

Государи Московские

МЛАДШИЙ СЫН
ВЕЛИКИЙ СТОЛ
БРЕМЯ ВЛАСТИ
СИМЕОН ГОРДЫЙ
ВЕТЕР ВРЕМЕНИ
ОТРЕЧЕНИЕ
СВЯТАЯ РУСЬ
ВОЛЯ И ВЛАСТЬ
ЮРИЙ

ГОСПОДИН ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД
МАРФА-ПОСАДНИЦА

Дмитрий Балашов

ГОСПОДИН
ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД
♦
МАРФА-ПОСАДНИЦА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Б 20

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Виктории Манацковой

Балашов Д.

Б 20 Господин Великий Новгород ; Марфа-посадница : повесть, роман / Дмитрий Балашов. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 672 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-28030-4

С повести «Господин Великий Новгород» (1967) началась писательская карьера филолога-русиста, фольклориста и историка Дмитрия Балашова — автора знаменитого цикла исторических романов «Государи Московские». Первый литературный опыт ученого проложил дорогу более масштабному произведению — роману «Марфа-посадница» (1972), также посвященному драматическим эпизодам истории Новгородской республики.

Первым же литературным сочинениям Дмитрия Балашова присущи характерные черты его зрелого творческого стиля: и повесть, и последовавший за ней роман чрезвычайно убедительно и достоверно изображали жизнь новгородского общества тех далеких веков, бытовой и духовный уклад жизни. Населив древнюю республику выразительными персонажами, частично историческими, частично вымышленными, Балашов превратил не только речь своих героев, но и авторский текст в мастерскую стилизацию языка древнерусских литературных памятников.

В настоящий сборник вошли оба произведения «новгородского цикла». Повесть «Господин Великий Новгород» посвящена героической эпохе Новгородской республики и повествует о походе в Ливонию 1268 года и грандиозной победе в битве при Раковоре. Действие романа «Марфа-посадница» переносит читателя в 1471–1478 годы, в гущу конфликта между Новгородской республикой и Великим княжеством Московским, закончившегося гибелью вечевого строя...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Д. М. Балашов (наследники), 1967, 1972
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-28030-4

ГОСПОДИН
ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

I

Олекса Творимирич возвращался из немцев, куда ездил по торговым своим делам, домой.

Под Саблей, обогнав обозы, — Радько довезет! — налегке, сам-двое со Станятой (нетерпение одолело) пустились вперед, и вот уже пошли ближние погосты да пожни, чаще и чаще заобгоняли возы с сеном, дровами, обилием, — близился Новгород.

В воздухе пахло весной, ноздреватый снег оседал рыхлыми тяжелыми кучами, проваливался под полозьями саней. Копыта взбрызгивали ледяную подснежную воду. Взъерошенные, отощавшие в долгом пути кони то и дело сбивались, вразнобой дергая упряжь. Солнце по-настоящему пекло, и купец, радуясь близкому дому, здоровью, весеннему солнцу, распоясался и распахнул шубу: любо!

— Эй, Станька! Любава-то без тебя не сблодила чего?

Тот не расслышал слов, оглянулся на голос хозяина — рожа веселая, тоже рад, прокричал в ответ что-то.

— Чегой-то? — переспросил Олекса.

— Вона! София видна!

Над верхушками елей уже посвечивал золотой шлем, и, когда в ясном воздухе, мерно отделяясь друг от друга, поплыли знакомые звоны, Олекса Творимирич широко, радостно, истово перекрестил себя: приехали! Дома!

Вот и Левонтьев крест, вот и часовня, а вот и конная сторожа новгородская, княжеская.

Разом переглянулись Олекса со Станятой, озорниковато кинув глазом на прикрытую рогожей тушу.

Кабана свалили за Мшагою: дуром сунулся к обозу, облаяла выгля¹. Олекса сгоряча кинулся наперехват с коротким мечом,

¹ *Выгля* — охотничья собака.

да подкатнулась нога, провалилась в снег, меч прошел скользком. Зверь рванулся, выгорбив щетинистую серую спину, пошел на Олексу. Станята подхватил кабана на рогатину, спас. Олекса вскочил, ударил снова — в бок и не промазал на этот раз. Кабан дрогнул и стал валиться на задрожавших ногах, хрюкнув, поసుнулся в сугроб, заливая вспаханный снег кровью.

За охотой забыли все на свете, а тут вдруг холодом прошло по спине, никак на княжьих угожьях наозоровали? А свиньи бити князю за шестьдесят верст от города, — плохой купец не знает договорных уложений наизусть! Посмотрели друг на друга. Станята хмыкнул, разлепил толстые губы:

— А, никто и видел!

Олекса воровато повел глазами, бросил хрипло:

— Ладно, не бросать же... (Ай взять да отдать?.. Да и отдавать жаль, такой подарок!) Была не была! Заворачивай сани!

Свели упирившихся, всхрапывающих от запаха крови лошадей в снег. Завернули зверя в мешки, в сено, чтоб не капала кровь, завалили сверху. Лишь бы довести до Малых Пестов, там уж можно и открыть — поди проверь, где били!

Ночью Олекса вставал, подходил к возам, отогнал зарычавшую собаку. Под санями натекла теплая лужица. Крякнув, натужился, сдвинул воз, затоптал, закидал снегом. Так и береглись до Шелони, но бог миловал. Дальше уже везли закоченевшую тушу открыто, хвастались удачей — знай наших! Мужики прищелкивали языком, тыкали зверя кнутовищами:

— Матерущий, беда!

Один только вредный старик прищурился:

— Далеко били? Цегой-то весь закоценел!

— Дивья, не мало и стояли, сани поломались! — ответил Олекса, отводя глаза.

— Не эти ли?

— Ну-ко, старче, отдай! — прикрикнул Станята. — Каждому тут ротись¹ да божись!

И снова обошлось.

Обошлось и с новгородской сторожей, те ничего не спросили, покосились только.

¹ Ротиться, ходить роте — клясться.

И вот уже сани выбежали на простор, и весь Господин Великий Новгород открылся вдруг, праздничный под весенним солнцем, от Антониева монастыря на той стороне Волхова, от Зверинца и до далекого, теряющегося в весенней дымке Юрьева. И пригородные церкви, и посады, и бревенчатая стена острога, над которой главы и кресты, и грозные белокаменные стены Детинца, и золотоглавая София, сердце Новгорода, в ней же Спас Вседержитель со сжатой десницей. И пока не разогнется рука, дотоле стоять Великому Новгороду нерушимо.

Вот и башня въезжая. С нависших стрельниц волглой, почерневшей городни¹ капала вода. От каменной стены башни отделился воротный сторож — грелся на солнце, не торопясь, подошел второй. Поздоровались.

— Ай издалека?

— Из немцев!

— Цегой-то там раковорци, воевать не собралися?

— Да к тому идет!

— Вона, все в одно бают!

Воткнув копьё в снег, бегло осмотрел воз:

— Товара не везешь ле? Мотри, какого зверя у князя украл! Шуткую... Проезжай, купечь!

Гулко протоптав в сводах ворот, выехали на Легошую. И пошли терема новгородские, вырезные крыльца, висячие сени, крутые чешуйчатые кровли, крытые дубовой дранью, серые и цветные: зеленые, голубые, красные, — на иных сверкала даже позолота, — наполовину уже освобожденные от снега, с бахромами сверкающих сосулук на мохнатых свесах крыш и потоках. Там и сям, в коричнево-сером море бревенчатых строений, розовели каменные стены церквей и боярских палат. Улица была по-весеннему полна народу; овчинные шубы нараспашь, круглые шапки с ярким верхом лихо сдвинуты на ухо, цветные пласты широко открывают румяные лица. Ремесленники и купцы, жонки посадские, боярышни, в крытых алым сукном епанечках, в цветных, мягких тимовых² сапожках, мальчишки, со свистом стайками шныряющие под ногами, пока кто-нибудь из старших

¹ *Городня* — часть бревенчатой стены между двумя башнями.

² *Тим* — род сафьяна (*старин.*).

не шуганет расшалившихся озорников. Кто за делом, кто и без дела, гуляючи, ради ясного дня и солнца приветного. Ревниво сравнивал Олекса наметанным глазом наряды своих горожан с иноземными, немецкими. Родные были ярче, цветистей, богаче головные уборы женщин, больше багреца и черлени, восточного пестрого тканья.

Полозья саней, перескакивая через кучи оледенелого тающего снега, стучали по плахам тесовой мостовой, уже высыхающей кое-где на солнцепеке. Кони, ободрясь, тоже чую конец пути, дружнее взяли.

— Гони! — прикрикнул купец, и расписные сани понеслись, виляя из стороны в сторону, скользя по снегу и колотясь по мостовой. — Гони!

Мужики и бабы, сторонясь от разбежавшихся лошадей, смеялись, бранились вслед:

— Ишь понесло купца!

— К цорту в пекло торописсе?

Какой-то широкоплечий плотник с толстым бревном на плече сделал движение, будто бросает бревно под ноги коням, те шарахнулись вбок, почти вывернув купца из саней, хрястнув резным задком о бревенчатый уличный тын-огорожу. Едва удержался Олекса, ругнулся, но и озорной мужик не испортил радостного настроения, уж больно хороши были день, весна, Новгород!

Перед Детинцем придержали. Шагом въехали в каменную арку ворот, увенчанную старинной чудотворной иконой, прикрытой свинцовой кровелькой от дождя и снега; шагом проехали Пискуплю — мимо Владычного двора, посадничьих палат, складов, охраняемых владычной сторожей. Налево поднялась величавая стена Софии, перед которой оба обнажили головы, направо — соперничающий с нею собор Бориса и Глеба, имя строителя которого, Сотка Сытинича, за сто лет уже успело обрасти легендами.

— Правда, бают, Сотко гуслер был? — спросил Станята, задирая голову.

— Не, — отозвался Олекса, тоже любуясь собором, — кажись, боярин. Это поют-то про которого, так тот другой!

Богородицкими воротами с вознесенной над ними легкой, устремленной в голубое небо надвратной церковью спустились к реке.

Ослепительно-синей от неба и снега на Волхове показалась родная Торговая сторона, Торговый пол. Вот проехали Великий мост, вот заворотили к себе, на Славну. Мимо Ярославова дворища, мимо святого Николы, мимо Параскевы Пятницы, мимо торгова, мимо вечевых гриден, соборов, лавок, мимо Варяжского двора, мимо хором Нежилы, Страшка, Иванки — Иванко-то новые ворота поставил, гляди-ко! — мимо терема Якуна Сбыславича, мимо Хотеновой поварни... А вот уже там, за тем поворотом, и Олексин дом, отчий кров, родимое пепелище, свое, отцово, дедино.

Дедино!

Уже тому близко лет семидесяти, как дед Лука, разбогатеv на соли, переехал из Русы в Новый Город, записался в городское «сто»¹ в Славенском конце, вступил в братство заморских купцов, откупил усадьбу, поставил терем.

Отсюда, от того, первого, терема, начинается родной дом.

В том тереме на другой год по переезде родился у Луки Творимир, отец Олексы.

Отсюда уходил Лука в ратные и торговые пути, отсюда шел громить Мирошкиничей. Сюда, больной и разбитый, воротился он из переяславского плена, когда после Липицкого ратного дела выручил князь Мстислав полоняников новгородских, что остались в живых. Разом поседел Лука, потухли глаза, не стало зубов многих от переяславского сидения в голоде да в сырости душной ямы, среди трупов смрадного запаха. Погибли тогда двое сыновей у старого Луки, а Творимир чудом уцелел; пожалел отрока знакомец, гость переяславский, не выдал княжой чади, а утром вывел на зады, дал хлеба ломоть да перекрестил на дорогу...

Здесь горели раз и еще раз — до черного пепла. И был тогда родной дом одним лишь пепелищем, одною памятью живых.

¹ Помимо деления на концы и улицы, Новгород делился на «сотни», во главе которых стояли сотские старосты. Из числа сотских выбирался тысяцкий, в обязанности которого входил надзор над торговыми делами.

Но живые брались за топоры, но пепел пожара покрывала глина, а в глину вращались тугие смолистые венцы. И снова был дом. И даже резьба на воротах воскресала похожей из разу в раз.

И была измена дому. Памятной страшной зимой, похоронив сына, бежал отсюда Творимир с полумертвой Ульянией. Бежал потому, что умер Лука, потому, что кадь ржи стала двадцать гривен, а пшеница — пятьдесят (а гривна — цена лошади, две гривны в хорошее-то время давали за боевого коня!). Бежал потому, что страшен был пустеющий город, заваленный трупами погибших от голода людей. Мертвецы лежали по улицам неприбранные. Одичалые псы грызли мертвых младенцев. Люди архиепископа не поспевали возить покойников. Поставили скудельницу¹ на Прусской улице, у церкви Святых Апостолов, и в ней сложили три тысячи душ; другую — на поле, в конце Чудинцевой, и в той трупов набралось без числа; и третью — за Святым Рождеством, и та скоро была полна. Простая чадь резала живых людей, обрезала мясо с трупов, ела конину, псину, кошек. Безумных ловили, жгли и убивали, но являлись новые человекоядцы. Иные ели мох, сосновую и липовую кору, лист. Голодные толпы громили боярские и купеческие дома, искали спрятанную рожь. Соседи, родные — и те стали чужими друг другу, скрывая остатки плесневелого хлеба. Обезумевшие матери даром отдавали детей заморским гостям, чтобы только не слышать их плача, не видеть их смерти голодной...

Вот тогда, покинув дом, ушел Творимир с оставшимися детьми и женой из Новгорода. Сани тянули волоком, чуть не падая. Так добирались до Руси. В пути похоронили второго сына. Поседевшая Ульяния десять верст несла мертвого младенца — не хотела отдать.

В Русе, у старинного сябра² дедова, удалось достать коня, уехали в Плесков³.

Там тоже пришлось хлебнуть горя. Жили трудно. Ульяния ткала пóртна⁴, малолетнюю Опросю по первости послали про-

¹ *Скудельница* — общее место погребения, общая могила. Ставились во время массовых бедствий.

² *Сябры* — соседи, часто связанные общим хозяйством.

³ *Плѣсков* — древнее название Пскова.

⁴ *Пóртно* — холст.

свить милостыню. Сына Тимофея удалось пристроить к серебрянику в ученики. Сам Творимир за что только не брался...

Там, во Плескове, узнал Творимир, что погорел весь Славенский конец — молодой приказчик Радько грамотку прислал — и что не стало у него крова в Новом Городе.

Водою немцы привезли жито в Новгород, но Творимир побоялся возвращаться, да и куда? Пережил он в Плескове и бегство Внезда Водовика, и смену посадника. А когда пришла в Плесков Борисова чадь, изгнанный тысяцкий Борис Негочевич с соратниками (стали собирать своих, думали — на Новгород, ан пришлось и из Плескова бежать), чуть не ушел Творимир с ними в немцы, в Медвежью Голову. Крепко звал его тысяцкий Борис Негочевич. Задумался Творимир, да вспомнил новгородскую отчину... Страшно стало! Как там бояре еще? А ему, простому купцу, уж воля не своя, и речь чужая, немецкая, и всё там чужое. Понял, что — родина и нельзя уходить. Грозил ему тысяцкий, уговаривал — не помогло. Решился Творимир вернуться к себе на родное пепелище.

На последние куны в Плескове соль купили. Сюда вот и возвращались, на почернелое, пустое место. Радько рассказывал Олексе о том не один раз: привезли соль, а класть негде, ни двора, ни амбара, ничего. И людей никого — один верный Радько, отца и мать похоронив, остался, не изменил. Обнял его Творимир и зарыдал.

Соль была дорога в то лето, на соли кое-как и поправились...

Родной дом! Сколько же связано с тобой!

Здесь, в тот год, когда князем стал Олександр Ярославич, в новоотстроенном тереме родился Олекса.

Здесь он играл в бабки да в рюхи с мальчишками, бился на мечях деревянных; отсюда отроком малым совершил свой первый путь во Владимир.

Здесь зарывали серебро, молились и ждали смерти, когда на русские земли с юга надвинулась рать неведомая и окровавленный ратник на торгу сказывал горожанам беду, моля о помочи...

Пали Рязань, Коломна, Владимир. Иноплеменники ни для кого не делали различия: черные люди, бояре, иереи, монахи, князья, мужи, жонки, дети — все гибли равно под саблями и копытами коней. Бесславно легла на Сити рать великого князя

владимирского. Пали Москва, Переяславль, Юрьев, Дмитров, Волок, Тверь... Мало за сто верст не дошли злые татарские кони до Великого Новгорода. В феврале татары оступили Торжок. Две недели держался город, тщетно ожидая новгородской подмоги, и в марте пал. Татары иссекли всех мужиков и жонок, как траву. Затем, Серегерским путем, устремились к Новгороду. Дошли до Игнача креста, но Бог и святая великая соборная церковь новгородская, София, заступились за свой город. Уже раскисали пути и болота набухали водой. Татары повернули назад.

Отсюда хмурый отец Олексы уходил, наточив меч, на рать, к Чудскому озеру. Здесь он молился, прослышав про чудо во Плескове (от иконы Спаса над гробом невинно убиенной в Медвежьей Голове княгини Ярославлей стало течь миро и наполнило четыре стеклянницы). Ужас охватил многих, кто еще тайно сочувствовал изменникам. И еще раз Бога благодарил Творимир, что не поддался уговорам, не ушел в Медвежью Голову тогда. Падая на колени, творил горячую молитву перед иконой Спаса: «Господи, не попустил еси, не отринул отчины своея!»

Здесь шестнадцать лет назад веселым пламенем пылало отцово хоромное строение и все их тяжкими трудами нажитое добро. Старый Творимир кидался в огонь, а ничего не спас, обгорел только. Не перенес новой беды, сломался, заболел. Олекса же, посвистывая, сам взялся за топор, — не на что было нанять и плотников. Тогда и научился звонкому плотницкому делу. Кое-как поставили клеть на пепелище. Поставили, и ушел Олекса в свой первый поход — к Торопцу.

Сюда возвращался он из второго похода, с Наровы, и еще под городом узнал про смерть отца.

Тут он разделился с братом Тимофеем, не спорил, верил в себя. С детства все давалось легко, без думы, без натуги. Торговал, воевал, стоял и с князем и против князя. Тяжела была рука у Олександра, тяжела и для бояр и для купцов, а всего тяжелей для простой чади.

Стоять-то стояли против князя, а со многими пришлось согласиться потом. И тамгу татарскую приняли, и десятину. Сам

князь Олександр на том настоял и дань собрал татарам, будто свои стали чужие, а чужие — свои... Тут и не хочешь, а думать пришлось. Научился хмуриться Олекса, рука чаще — невольно — искала меча.

Время было неверное, мятежное, только поворачивайся.

В эту пору женился он. Жена была молода, по шестнадцатому году взяла. Первый сын умер, мало и на руках подержать пришлось. Потом родилась дочь, Янька.

Через год ходил под Юрьев Олекса. Город взяли на щит, товара, богатства забрали бессчетно. Олекса сумел и свою долю увезти, да и у других приторговал дешево. Вернулся, и жена, Домаша, обрадовала — сына родила, Онфима.

С юрьевского похода побогател Олекса, легко пошел в гору. Богатство, оно, коли голова на плечах, само растет! Поставил новый терем рядом со старым, соединил переходами, пристраивал каждое лето хлева, амбары, стойла. Памятуя пожар, заводил амбары и за городом. А на вече и в гридне общинной стоял заодно со всеми, добивался, и добились — посадника своего, Михаила Федоровича. После смерти князя Олександра всего четыре года прошло, а гляди, снова зашевелились, стали и на князей покрививать!

Теперь Ярослав Ярославич, брат Олександра, князем. Садился — крест целовал Новгороду. Поди, не по нраву пришлось! Двое их осталось, Ярославичей: Ярослав да Василий. Сам в Твери сидит, Василий — в Костроме, тоже на новгородский стол зарится. А в Новгороде на Городце, за Ярослава, — подручник его, князь Юрий, невеликая птица, без посадника навряд что и решит!

Да, не тот нынче Новгород, не тот князь, да не тот и Олекса! Не тот уже терем во дворе, и резное крыльцо, и сад, и яблони. А добра в амбарах — сукон, и шкур, и меда, и вин заморских! И серебро на черный день, и портна, и лен, и рожь, и пшеница! Коням ячмень засыпают, кони — поглядеть любо! Дом — полная чаша, родной дом. Свой! Все тут свое, нажитое, добытое им самим, Олексой, добротное, прочное.

— Постой, Станятка, тише поезжай, переполошим всех. — Усмехнулся: — Не ждут, верно!

II

В доме и правда не ждали. Мать Ульяния, воротясь от обедни, отдав распоряжения по дому, обойдя двор и хлева, усадила Любаву и девок за кросна, а сама прошла на свою половину, села за шитье обетного воздуха в Ильинскую церковь. Уж третий год продолжала работу, а все не могла окончить, отвлекали дела. Домаша, накормив ребенка, тоже присела со свекровой за пяла, вышивала золотом плат. Яньку усадила рядом с маленькими пальцами:

— Учись. Губу-то не дуй!

Старуха Полюжиха, вдова, двоюродница Ульянии, да девка Ховра вязали. Девка, деревенская, недавно взятая в няньки, сказывала:

— А еще у нас цто было-то, жонку цорт унес! Парня одного женили, ну так насили, насили, и не залюбил жонку-то. А у его была сговоренка в той же деревенки, за ту батя не отдал. И вот он с той пошел по сенá...

— С кем, с той-то? — перебила Полюжиха.

— С жонкой со своей.

— Ну!

— Стог-то сметали, он и говорит, на жонку будто: «Цтоб ты нецистый увел!» И ей как вихорем подхватило, подхватило и унесло, и не стало жонки. Ну тут хватъ, инде хватъ, и нету. И женился на той, с которой дружил.

— Разрешил отец?

— А как уж жонки нету, тута стала воля своя!

— Ты, Полюжая, не сбивай девку. Поди, сказывай!

Домаша слушала молча, иногда взглядывая на маленькую Малушу, что, сопя, силилась посадить тряпочную куклу на деревянного коня, крепко прижимая ее и забавно всплескивая ручонками, когда кукла снова падала.

«Летом и мы на сенокос поедем!» — подумала Домаша. Замечталась, слушая, взгрустнулось что-то. Девка сказывала:

— Ну, вот он на тот год пошел с новой жонкой стога метать. Нецистый-то увидал, притворился вихорем и стог разметал у его. Сам пришел к жоны и говорит, хватат: «Твой-то муж стог метал, а я разнес!» — «А где-ка он?» — «А с новой жонкой стога

мецет!» Она и стала просить нецистого: «Покажи да покажи, где мой муж, Иванко, стога мецет?» Он ей на горку вызнел: «Смотри, — бает, — вон они!» — «А я, — отвечает, — плохо вижу цтойто, спусти пониже». — «Там-то, — говорит, — трава цертополох, я ее боюсь!»

— Ето верно, — поддакнула Полюжиха, — первое дело чертополох! Под зголове положить али там в байны повесить — нечистый-то уж и не заходит!

— Ну ницего, жонка молитце ему: «Маленько-то пониже спусти!» Он спустил, она и скочила, полезла туда, в траву ету. Нецистый ее имал, не мог поимать никак, портище всё с ее сорвал только. Она и приползла к им туда ногушкбм. «Не пугайтесь, — говорит, — это я, Иван, твоя жона. Я, — говорит, — нага, дайте мне оболочиться». — «Ты мне не нать, — говорит, — у меня друга жонка есть!»

— Вота какой!

— «Ницего, — говорит, — я вас не розведу, в монастырь уйду». Так ей и принесли. Жонка та, другая, со себя рубаху ей отдала.

— И ушла в монастырь?

— Ушла. Покрова Богородицы монастырь, на Зверинци. Тамо постриглась.

— Бédна!

— А уж побыла за нецистым, дак!

— Никак едут! — вдруг молвила Ульяния, отрываясь от шитья. И побелела, откинулась в кресле: — Олекса! Чуяло мое сердце!

Все побросали работу. Поднялся переполох.

— Онфимка, Онфимка где? — звала Домаша, непослушными пальцами накидывая епанечку. Янька кинулась стремглав за Онфимом.

— Ох, батюшки!

— Сына, сына возьми! — подтолкнула Домашу опомнившаяся Ульяния. Сама, прикрикнув на заметавшуюся девку, исто-во перекрестилась на иконы, вздохнула, неспешно двинулась встречать.

Олекса уже разворачивался во двор. Заскрипели, распахиваясь, створы ворот, метнулось радостно-испуганное лицо — стгоряча не узнал, кто такая, — заторопился, забилося сердце, и, пока вылезал, увидел, понял — весь дом уже на ногах.

Янька и Онфимка выскочили на крыльцо:

— Батя, батя!

Унеслись в дом. В сенях встретила прежде мать, ткнулась в грудь, всхлипнула.

— Радость у нас, Олекса!

Отступила, седая, сияющая, строгая, повела глазами на невестку, скрещивая руки. Домаша стояла, вся трепетно подавшись вперед. Шагнул Олекса, бережно принял теплый живой сверток. Грудным, звенящим, срывающимся голосом подсказала:

— Сын, Олекса! — и тоже заплакала.

Олекса посмотрел на крохотное личико, большие бессмысленные глаза — тенью прошло воспоминание о первенце, умершем до года, — бережно отдал. Мать приняла ребенка. Обнял жену, огладил по голове и плечам загрубевшей рукой. Теперь дети. Они уже прыгали от нетерпения, ждали очереди: восьмилетняя Янька и шестилетний Онфим. Тут так и повисли на руках. Подросли!

— Ты, Янька, гляди, невестой скоро будешь!

— Онфима пора грамоте учить! — отозвалась мать.

— С сенами управимся, а там и за псалтырь, а?

— А я уже буквы знаю, ты мне, тятя, буквицу купи, а то Янька не дает свою!

— Всё деретесь? Ужо куплю!

Только четырехлетняя Малуша пряталась, забыла отца и теперь глядела боязливо. Подхватил и ее, поднял. Испугался вдруг: заплачет? Нет, нерешительно потрогала она курчавую бороду, улыбнулась, ручонками закрыла лицо.

— Ишь скромница!

Вступили в горницу. Уселись: сперва мать, потом Олекса, потом Домаша. Девка (отметил: новая, верно, для ребенка взяли) во все глаза — даже рот раскрыла, — заглядевшись на Олексу, приняла маленького, убежала в заднюю горницу.

— Как окрестили?

— Лукой, по деду. Тебя не дождались.

— Ин добро. Девка чья?

— Деревенская, Трофима, сапожника, сродственница.

— Трофимки... косого? А, знаю! Как звать-то?

— Ховрой.

— Ну зови Станяту ко столу! А там и в баню!

— Велеть? — привскочила Домаша.

— Вели, — отозвалась мать, — девок пошли...

Другое в это время на дворе. Любава, в кожаных выступках на босу ногу, помогает Станяте закатывать под навес сани, распрягать и заводить в конюшню лошадей, то и дело руками, будто нечаянно, натываясь на руки Станяты, бессовестно обжигая карими глазами.

— Соскучила без тебя, сил нет!

— Ну! — Станята хмурился и улыбался вместе. — Скажи, по Олексе разве!

— Станя!

Пятясь, потянула за рукав в конюшню, обвила руками за шею:

— Глупый! То когда уже было, глупый... Купец мой! — (Знала, чем задеть.)

— Мне купечества видать, как свиньи неба.

— Будешь!

Тряхнула головой, так что звякнули серебряные кольца в волосах, притопнула твердыми выступками:

— Увидишь, сделаю!

Не удержался Станята, стиснул, так что кости затрещали.

— Хмель ты, чистый хмель! Иди, коней надо поставить. Баню нам сготовь!

— Сейчас!

Расхохоталась, убежала. Маленькая девка просунула носик в конюшню.

— Станята! Тебя хозяин ко столу кличет!

— Иду!

Закусили сижком, шаньгами, выпили по чаше домашнего меда. Похохатывая, перебивая друг друга, рассказывали, как свалили кабана. Жена, сияющая от каждого взгляда Олексы, стала прибирать со стола.

О серьезных делах Олекса пока не говорил. Тяжело дался этот путь! Колыванцы стали до того несговорчивы, что не на шутку задумался он: как дальше? А князю и горя мало. А посадник что думает? Свой ведь, с нашей, торговой стороны, Михаил Федорович. И терем его недалеко стоит, со сеней маковка видна.

Отпустив Станяту (Домаша, прибрав, тоже вышла), остался вдвоем с матерью за чашей с медом. Разом перестал хохотать, вдруг почувствовал, что устал с дороги, задумался. Исподволь, осторожно разглядывал мать: сдала, резче легли морщины у носа, запал рот, вся стала как словно суше... Никак и брови уже поседели? Вот уж у самого дети растут, а все не может представить Олекса, как будет жить без матери. Давно ли, кажется, вводила она его, обиженного, плачущего, за руку со двора, когда, бывало, в перекорах уличных стыдили соседи: «Чужим добром разжились! Лука-то ваш с Мирошкина разоренья только и поправился!»

Причесывая разлохмаченного, в перемазанной рубашонке меньшого своего, Ульяния вытирала ему подолом мокрый нос и, строго сводя брови, приговаривала:

— Собаки! Собаки и есть! Сами-то больно святы! Мирошкиничей разбивали, дак по три гривны на зуб всему Нову-городу разделили, и их не обошли небось! А после тех одних и zapomнили, кто Мирошкин двор громил! Дедушко-то наш еще обгорел на пожаре!

И, прижав к себе маленького Олексу, успокаивая, рассказывала про деда: как в тот год, когда переехали в Новый Город, был конский мор, как бабка свое серебро: кóлты¹, и монисто, и браслеты киевской работы сканного дела — продала, и на все то Лука снаряжал ладьи до Раковора; как сам, надсаживаясь, таскал бревна на терем; как по совету деда Луки Творимир начинал торговлю с Корелой, ту, что Олекса и сейчас ведет...

— Дедушко Лука богатырь был. Никого не боялся, ни перед кем головы не клонил. И уважали его! — приговаривала Ульяния, поглаживая сына твердой суховатой рукой по светлой голове.

Затихая, силится Олекса представить себе деда — и не мог. Вспоминал большой дубовый крест на могиле...

И вечно она была седой, как помнил. Морщин только не было раньше. Эх, да и замечал разве? Мать как воздух. Пьешь его полной грудью, и думы нет, чтобы не хватило когда... Сидел Олекса, молчал, нарочно оттягивая время.

¹ *Кóлты* — подвески к головному убору.

Прикидывал: к кому теперь? К брату Тимофею, серебряному весцу¹, первое дело. К тысяцкому. Это потом, тут разговор будет. К тестю Завиду — этого надо завтра звать на трапезу. Отца Герасима, конечно. Улыбнулся: отец Герасим и венчал, и отпускал грехи, и еще крестил Олексу, — без него уж не обходилось ни одно семейное торжество. К куму Якову, старому другу, книгочию...

— Максим Гюрятич в Нове-городе, мать?

Улыбнулся опять, вспоминая хитрого весельчака.

— Здесь. Неделю, как и прибыл. Тебя прошал!

«Этого позвать обязательно, без него пир не в пир. Страхона, замочника. Кузнеца Дмитра. Горд — как же, староста! Может и заупрячиться, придется самому поклониться. Хотя... лонись, когда погорел — сильно погорели тогда, весь Неревский конец огонь взял без утечи, по воде ходил огонь, что было на судах, и то сгорело, — кто помог? Я же! Еще и должен мне о сю пору... Придет! Станяту пошлю на коне. Да и дело есть — поди, разнюхал уже, что свейское железо везу! Значит, Дмитра...» Так перебирал в уме всех, кого надо пригласить.

Мать между тем, тоже налившая себе меду ради сыновья приезда, неспешно отпивая, сказывала:

— На масляной расторгвались, датские сукна все вышли у Нездилки. Олфоромею Роготину заплатила полчетверти на десять кун, да Чупровым две гривны серебра дала с ногатой².

— Не дорого?

— Обещают шемаханского шелку, Домажир николи не оманывал! Корелы приезжали.

— Приезжали?

— Ну. Железо везти прошали. Я сказала: пусть обождут до тепла. Дешевле водой-то, чем горой. Им дала полтретья —

¹ *Весец* — меняла. Серебро ходило в слитках, без клейма. При расплатах его всегда взвешивали.

² Слово «куны» обозначало и определенную денежную единицу, и вообще деньги. Счет в Древней Руси велся на серебро. Основной денежной единицей была гривна — серебряный слиток. 1 гривна, 49,25 грамма серебра, = 25 ногатам = 50 кунам = 100 векшам, или веверицам (белкам). В Новгороде была принята и новая гривна (197 граммов серебра), равная четырем старым («ветхим») гривнам. Мелкие деньги были кожаные.

ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ БАЛАШОВ
ГОСПОДИН ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД
•
МАРФА-ПОСАДНИЦА

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Дмитрий Капитонов, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.02.2025.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 41,16. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ARL-37045-01-R